

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 2 (42). С. 174–182

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 2 (42), pp. 174–182

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-174-182>, EDN: ZIVPLQ

Научная статья

УДК 81'42:004.738.5

Речевой жанр криминальной угрозы в интернет-коммуникации

А. В. Бабук

Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, Беларусь, 220114, г. Минск, ул. Филимонова, д. 25

Бабук Александр Вадимович, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психолого-лингвистических исследований научного отдела гуманитарных исследований, alexander-babuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8805-3910>

Аннотация. Предпринимается попытка исследовать криминальную угрозу как речевой жанр проявления вербальной агрессии. Утверждается, что угроза чаще всего встречается в текстах современной интернет-коммуникации, характеристика которой близка к синтетической устно-письменной форме общения и разговорному жанру. Подчеркивается, что в современных исследованиях угроза рассматривается с юридической и лингвистической точки зрения. Обосновывается мысль о том, что высказывания угрозы существуют двух основных типов – угроза-предупреждение, включающее каузируемое действие, и угроза-наказание. Особым субжанром угрозы выступает шантаж, включающий манипулирование посредством компрометирующих адресата сведений. Семантически угроза бывает эксплицитной, явно выраженной, и имплицитной, интерпретация которой требует обращения к логике построения высказывания. На материале данных различных толковых лингвистических словарей и фрагментов текстов, представленных на проведение судебной лингвистической экспертизы, показывается имплицитная угроза, которая в интернет-коммуникации представляет наибольшую сложность для исследования. Это связано с тем, что ее интерпретация предполагает анализ логики построения высказывания путем выявления представленных в тексте лингвистических приемов – применения эвфемизмов, идиом, семантической свертки, метафор, сарказма, отсылки к прецедентному случаю и невербальных компонентов коммуникации (изображения, эмодзи). Сообщается, что жанр криминальной угрозы стоит отличать от обещаний, приказов, предостережений, вербально выраженных суицидальных намерений, злопожеланий, угрозы в широком смысле и высказываний, выражающих призыв к насильственным действиям.

Ключевые слова: криминальная угроза, менасив, речевая агрессия, речевой жанр, интернет-коммуникация, лингвистический прием

Для цитирования: Бабук А. В. Речевой жанр криминальной угрозы в интернет-коммуникации // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 2 (42). С. 174–182. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-174-182>, EDN: ZIVPLQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The speech genre of a criminal threat in online-communication

A. V. Babuk

Scientific and Practical Centre of The State Forensic Examination Committee of The Republic of Belarus, 25 Philimonova St., 220114 Minsk, Belarus

Alexander V. Babuk, alexander-babuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8805-3910>

Abstract. The author attempts to explore the threat as a speech genre of verbal aggression. It is argued that the threat is most often found in the texts of modern online-communication, the characteristics of which are close to a synthetic oral-written form of communication and the colloquial genre. It is emphasized that in modern studies the threat is researched from a legal and linguistic point of view. The author proves the idea that there are two main types of threat statements – a threat-warning, including a causal action, and a threat-punishment. A specific sub-genre of threat is a blackmail, which includes manipulation by means of information compromising the addressee. Semantically, the threat can be explicit, clearly expressed, and implicit, whose

interpretation requires an appeal to the logics of the statement. Implicit threat in online-communication is the most difficult type to research, since its interpretation involves analyzing the logic of constructing a statement by identifying linguistic techniques presented in the text – the use of euphemisms, idioms, semantic convolution, metaphors, sarcasm, precedent case reference and non-verbal components of communication (images, emoji). Implicit threat is studied using data from various explanatory linguistic dictionaries and fragments of texts submitted for forensic linguistic examination. It is reported that the genre of a criminal threat should be distinguished from other genres such as promises, orders, warnings, verbally expressed suicidal intentions, malevolence, a threat in a broad sense, and calls to a violent action.

Keywords: criminal threat, menace, verbal aggression, speech genre, online-communication, linguistic device

For citation: Babuk A. V. The speech genre of a criminal threat in online-communication. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 2 (42), pp. 174–182 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-174-182>, EDN: ZIVPLQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В настоящее время глобальная сеть Интернет и компьютерно-опосредованная коммуникация стали неотъемлемыми спутниками человека. Виртуальная среда, в условиях которой осуществляется современная коммуникация в сочетании с различными вариантами и формами, позволяет реализовывать огромное количество возможностей, связанных с функционированием гипертекста (самопрезентация, обращение к «виртуальной языковой личности» [1] как к средству сокрытия личных данных, использование нескольких знаковых систем текста, применение различных каналов коммуникации и т. д.) в пространстве интернет-дискурса. При этом современные технологии используются человеком не только в созидательных, но и в разрушительных целях, когда текст становится средством речевой агрессии – целенаправленного коммуникативного действия, ориентированного на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние (страх, фрустрацию и т. п.) у объекта речевого воздействия» [2: 84].

Одним из проявлений речевой агрессии выступает вербальная угроза, которая включает в себя два аспекта: юридический и лингвистический. Юридическим аспектом (реальность угрозы, ее перлокутивный эффект) занимаются правоохранительные органы, рассматривающие ее как форму правонарушения, за совершение которого предусматривается привлечение лица к уголовной ответственности в соответствии с действующим законодательством. Лингвистический аспект подразумевает угрозу как речевое (семиотическое) действие, конфликтную речевую интенцию (менасив). При проведении судебной лингвистической экспертизы текста угроза рассматривается как форма проявления речевой агрессии, выявление которой осуществляется на основе анализа ее соответствующего пропозиционального содержания.

Целью данной статьи является описание речевого жанра криминальной угрозы как формы речевой агрессии в различных текстах интернет-коммуникации. **Материалом для исследования** стали данные различных лингвистических словарей, а также фрагменты текстов, ставших объектами судебной лингвистической экспертизы, проводимой по делам об угрозе в Государственном комитете судебных экспертиз Республике Беларусь в период за 2020–2022 гг.

Основная часть

Современные формы угроз как речевой агрессии являются преимущественно текстами, созданными посредством компьютерно-опосредованной коммуникации, совершаемой в интернет-дискурсе. В языковом смысле для такого типа коммуникации характерно упрощение речевых средств, преобладание неформального разговорного стиля, пренебрежение речевыми нормами, использование акронимов, эрративов и различных вариантов сленга (компьютерного, молодежного) и т. д. Современный интернет-дискурс предполагает использование языка не столько в качестве средства информирования адресата, сколько инструмента речевого воздействия, для чего коммуникантами используется синтез устной и письменной формы общения и специфический языковой стиль, характерный для разговорного жанра. Соответственно, изучение различных форм угрозы как речевого жанра в текстах интернет-дискурса на современном этапе должно осуществляться с учетом этих коммуникативных особенностей.

Угроза как правонарушение имеет ряд конститутивных признаков, которыми, как утверждает М. А. Осадчий, выступают следующие компоненты:

- «**субъектный состав**» («угроза произносится одним субъектом в адрес другого субъекта, являющегося объектом угрозы»);

- **«темпоральная маркированность действия»** («угрожающий (субъект угрозы) сообщает жертве (объекту угрозы) о том, что он в будущем совершит некое действие в отношении объекта угрозы», т. е. жанр угрозы «предполагает соседство двух времен: настоящего и будущего...»);
- **«субъектная принадлежность действия»** («действие, которым угрожают, будет выполнено самим говорящим либо он организует с этой целью третьих лиц; если действие не исходит от говорящего, а его источником являются независимые силы, имеет место жанр пророчества, провокации, предостережения»);
- **«тип действия»** («действие должно нанести вред объекту угрозы», «иначе речь будет идти об обещании, а не об угрозе»);
- **«адресованность действия»** («угроза непосредственно обращена к потенциальному объекту действия»; прямая адресованность – «при непосредственном контакте с объектом», косвенная – «при передаче через носители информации или третьих лиц» [3: 165–166]).

Для определения угрозы, используя различные толковые словари русского языка, проведем дефиниционный анализ номинатива угроза и глагола угрожать:

УГРОЗА – 1. Обещание причинить какое-либо зло, неприятность [4: 1371].

УГРОЖАТЬ – 1. Говорить, что вы сделаете что-то плохое кому-либо, чтобы тот человек действовал так, как вам нужно (угрожать | грозить | пугать | пригрозить | грозиться | предъявлять ультиматум | ставить условие | выдвигать требование). 2. Угрожать кому-либо, чтобы получить от этого человека деньги, ценную информацию и т. п. [5: 518].

УГРОЖАТЬ – запугивать, заставлять бояться, устрашать, грозить, терроризировать, наводить страх (на кого-либо), стращать (*прост.*) [6: 140].

Анализ приведенных дефиниций позволяет выявить следующие семы интенции угрозы: 1) семы **?запугивать, устрашать, заставлять бояться, наводить страх, предостережение?**, отображающие негативное влияние угрожающего на эмоциональное состояние того, кому угрожают; 2) семы **?вред, зло, неприятность?**, указывающие на отрицательные последствия для лица, которому угрожают; 3) семы **?намерение, обещание?**, указывающие на желание угрожающего совершить упомянутые небенефактивные действия.

В лингвистической традиции речевой жанр угрозы рассматривается как императивный меназив (от англ. *menace* – угроза), поскольку коммуникативная целеустановка говорящего –

это запугивание адресата или манипуляция, т. е. полное игнорирование желаний, интересов и намерений адресата [2: 100]. С точки зрения позиции говорящего угроза определяется как исполнительский речевой жанр, поскольку содержащиеся в ней негативные последствия могут для адресата наступить в любой момент в случае приведения этих действий в исполнение [7]. И адресант, и адресат угрозы находятся в конфликте, который обращен к будущему времени: как само исполнение выраженных насильственных действий, так и выполнение указанного условия (при наличии). При угрозе этот конфликт между Я и Ты (Он, Она, Они) достигает своего предела [8: 353].

Специфика речевого жанра угрозы заключается в перлокутивной интенции. Это означает, что намерения адресата могут быть достигнуты в том числе и семиотическими средствами коммуникации (Дж. Остин отмечает, что «человека можно напугать, замахнувшись на него палкой или прицелившись в него из ружья. Даже в ситуации уговаривания, убеждения, вынуждения подчиниться или поверить мы можем достичь требуемого результата с помощью невербальных средств» [9: 97]), и сами вербально выраженные физические действия в любой момент адресантом могут быть приведены в исполнение, чем обусловлена криминализация высказываний угрозы. Вот почему для криминальной угрозы большое значение имеет персональная адресация высказывания, благодаря которой перлокутивный компонент усиливается. Такая особенность характерна для таких популярных для современной компьютерно-опосредованной коммуникации текстов, как персонально адресованное распечатанное или электронное письмо, смс-сообщение, личное интернет-сообщение и т. д. В случае, если адресат публичного сообщения никак не выражен, тогда высказывание и вовсе не будет содержать перлокутивный компонент, необходимый для выявления угрозы.

Реализация интенции угрозы обеспечивается в речи за счет обязательных структурных компонентов, которые в конечном итоге складываются из участников угрозы, условий успешности и условий искренности [10: 87] (рис. 1).

Как утверждает А. М. Плотникова, семантика угрозы включает в себя два важнейших неотъемлемых компонента: а) *побуждение* адресата совершить действие в интересах говорящего; б) *обещание* наступления негативных последствий для адресата в случае неповиновения [11: 138]. Т. И. Стеклова добавляет к этим двум компонентам и само *сообщение* угрозы, которое воспринимается

Рис. 1. Структурные компоненты угрозы

Fig. 1. Threat structural components

адресатом как угроза только в том случае, если он правильно «прочтет» его пресуппозицию и сможет сделать верный логический вывод из этого сообщения» с учетом коммуникативной ситуации [12: 8].

Угроза имеет сходство с другими речевыми жанрами. Так, например, несмотря на сближение по своим коммуникативным параметрам с промисивом (от англ. *promise* – обещание), в своей сущности угроза относится к антиобещанию, поскольку адресат не желает наступления негативных последствий в отношении себя. Побуждение адресанта совершить адресатом какие-либо действия делает угрозу схожей с приказом и относит ее к директивной речевой интенции (от англ. *directive* – приказ). При этом в отличие от приказа в менасивном высказывании положение адресата во власти говорящего не предписано изначально, а приобретает непосредственно за счет самой угрозы. Принятие на себя обязательств адресантом и ответственности за совершение насильственных действий в отношении адресата дает также лингвистам право относить угрозу к категории комиссивных высказываний (от англ. *commitment* – обязательство) [13: 161].

Речевой жанр угрозы может воплощаться в различных субжанрах как устной, так и письменной коммуникации. Под субжанрами подразумеваются «минимальные единицы типологии речевых жанров, равные одному речевому акту» [14: 148], который воплощается в виде речевых тактик. Особым типом такого воплощения является шантаж [15]. Его отличие от классической формы угрозы заключается в наличии каких-либо компрометирующих адресата сведений – важного компонента, с помощью которого угрожающий субъект способен манипулировать адресатом. Целью шантажа становится вымогательство каких-либо материальных средств или информации, представляющей важность для адресанта [12:

10]. Субжанр шантажа, воплощающий речевой жанр угрозы, согласно утверждению А. Н. Баранова, соответствует формуле следующей семантической экспликации:

«X шантажирует Ya, что сделает P, [чтобы Y не делал Q] = 'X говорит Y -у, что обнаружит об Y-е негативную информацию (P), если Y сделает Q – что-то плохое для X-а, чтобы Y боялся P и из-за этого не делал Q'» [16: 38]. Примеры шантажа часто адресованы представителям крупной элиты – общественным деятелям и государственной власти: «Если ты не заплатишь мне двадцать тысяч долларов, то эти непристойные фотографии твоей дочери будут опубликованы в социальных сетях». Иногда в бытовой коммуникации высказывания, выступающие угрозой в классическом ее понимании, ошибочно отождествляют с шантажом.

Лингвопрагматика выделяет два вида вербальных угроз с точки зрения ее коммуникативной целеустановки – угроза-предупреждение («Если ты не выполнишь мои указание и не принесешь семь тысяч долларов, то со своими детьми можешь попрощаться навсегда») и угроза-наказание («Ты убил мою сестру, а я **вырежу тебя и твою жену**») [16: 140]. Угроза-предупреждение включает в себя каузируемое действие, выполнение или невыполнение которого является желательным для адресата. Каузируемое действие выражено в форме условия, посредством которого говорящий пытается добиться желаемого поведения от своей жертвы. В случае невыполнения условия говорящий обещает применить санкции в форме насильственных действий в отношении адресата (рис. 2).

Выраженное в форме условия каузируемое действие зависит от логики непосредственно менасивного компонента высказывания, предполагающее для адресата наступление негативных последствий в случае выполне-

Рис. 2. Структурные компоненты угрозы-предупреждения: S – субъект угрозы, O – объект угрозы, V – каузируемое действие, желательное или нежелательное для угрожающего субъекта, V₁ – санкция, которую угрожающий субъект обязуется реализовать, M – непосредственно угроза (менасив)

Fig. 2. Structural components of a threat-warning: S – agent of threat, O – object of threat, V – causable action, desirable or undesirable for the threatening agent, V₁ – detrimental action that the agent of a threat undertakes to perform in future, M – direct threat (menace)

ния (невыполнения) указанного действия. При этом особой формой угрозы выступает также угроза-реакция, где «причиной каузируемых действий являются действия адресата» [17: 262]. Если каузируемое действие в угрозе всегда относится к будущему времени, то реакция – к прошлому. Наличие каузируемого действия предполагает получение определенных выгод адресантом от адресата, что позволяет зарубежным лингвистам относить данный речевой жанр к категории манипулятивных высказываний [18: 138–140] (рис. 3).

Угроза-наказание включает в себя только санкцию в форме насильственных действий в отношении адресата, который, по мнению говорящего, в прошлом сделал для него что-то плохое (рис. 4).

Согласно синтаксису и форме лингвистического выражения речевой жанр угрозы может быть эксплицитным (прямым) и имплицитным

(косвенным). Эксплицитная угроза выражена явно, и для ее интерпретации нет необходимости совершать дополнительные семантико-грамматические действия: «Сегодня я тебя зарежу». Дешифрование имплицитной угрозы в рамках проведения судебной лингвистической экспертизы предполагает обращение к логико-грамматическому компоненту высказывания, анализ коммуникативной ситуации, работу с контекстом и применение других дополнительных семантико-грамматических действий, которые позволяют выявить различные лингвистические приемы, используемые при угрозе для маскировки ее под другие интенции, речевые акты и т. п. Признаком устного имплицитного высказывания угрозы чаще всего является особая угрожающая тональность («модельная тональность» [19]), которая обеспечивает создание просодического/мимического компонента, характерного, прежде всего,

Рис. 3. Коммуникативные параметры угрозы относительно каузируемого действия

Fig. 3. Communication options of a threat related to condition

Рис. 4. Структурные компоненты угрозы-наказания: S – субъект угрозы, O – объект угрозы, (A) – положение дел, за которое объект угрозы несет ответственность; смысловой компонент, который часто опускается, V – санкция, которую угрожающий субъект обязуется реализовать, M – непосредственно угроза (менасив)

Fig. 4. Structural components of a threat-punishment: S – agent of threat, O – object of threat, (A) – a state of affairs for which the target of the threat is responsible; semantic component that is often omitted, V – detrimental action that the agent of a threat undertakes to perform in future, M – direct threat (menace)

для устной речи: «Ну, погоди у меня!». Специфическая угрожающая тональность высказывания, определяемая контекстом, является одним из важнейших просодических признаков, позволяющих адресату распознать угрозу в форме устного высказывания (например, голосового сообщения). Выявление данного признака имплицитной угрозы возможно при проведении лингвистического анализа в ходе судебной фоноскопической экспертизы.

При этом тональность угрозы может варьироваться и служить средством переакцентуации канонов жанра угрозы, образуя пересечение ее функционально-семантического поля с другими речевыми жанрами, такими как, например, риторический вопрос: «А тебе слабо не звонить в полицию?» (высказывание произносится адресантом при демонстрации огнестрельного оружия, направленного в сторону адресата). Согласно утверждению М. М. Бахтина, который под речевым жанром понимал относительно устойчивые типы высказываний, специфические для данной конкретной сферы общения [20: 159], характерным примером переакцентуации угрозы является использование речевых средств институционального официально-делового общения в коммуникативной ситуации бытового фамильярного общения: «Будьте любезны, Василий Петрович, выньте из кобуры Ваше оружие и передайте его мне» (высказывание произносится адресантом при демонстрации огнестрельного оружия, направленного в сторону адресата).

Помимо тональности для речевого жанра угрозы устного высказывания также характерно использование и других мультимодальных компонентов коммуникации: соответствующей мимики (суровый угрожающий взгляд), жестов (проведение большим пальцем правой руки вдоль шеи из стороны в сторону, угрожающий жест кулаком) и т. д. Лингвистическое исследование в ходе проведения судебной фоноскопической экспертизы учитывает значимость мультимодальных компонентов исходя из соответствующей коммуникативной ситуации.

В современной коммуникации угроза встречается в имплицитной (косвенной) форме короткого электронного сообщения. Это связано с тем, что угрожающему субъекту не столько важно выполнить свою угрозу, сколько необходимо достичь своей коммуникативной целеустановки. Это подталкивает адресанта выбирать различные формы угроз, использовать различные приемы для их вербального и невербального выражения.

В интернет-коммуникации такими языковыми приемами могут быть:

- 1) эвфемистические конструкции: «Ну, че, как дела? Теперь пугать будут тебя! Пугал всех. Адрес твой слили. Жди гостей». Императив *жди гостей* в данном высказывании приобретает оттенок небенефактивности и указывает на угрожающий характер высказывания, поскольку под эвфемизмом *гости* подразумеваются люди, которые придут и совершат нечто плохое для адресата в качестве наказания за им содеянное в прошлом;
- 2) семантическая свертка, предполагающая сворачивание глагольного предиката высказывания в номинатив, имеющий семантику лишения жизни: «Тебе могила!», т. е. «Ты умрешь»;
- 3) идиоматические выражения (фразеологизмы). Исследования, проведенные на материале современной корпусной генристики, показывают, что среди речевого жанра угрозы в русском языке наиболее частотными идиоматическими выражениями являются следующие типовые высказывания (в скобках указана частота встречаемости): «вот я тебя...» (215), «если ты еще раз...» (31), «если ты хоть раз» (15), «я тебе это припомню» (9), «не дай бог ты» (7) [8: 696]. При этом согласно словарю-тезаурусу современной русской идиоматики, в речевой формуле русскоязычной угрозы могут также встречаться такие фразеологизмы, как: «убери руки, а то протянешь ноги», «я тебе голову/башку оторву», «я тебе яйца оторву» [21:

59], а также «я тебе покажу, где раки зимуют», «не доводи до греха», «я тебя в гроб вгоню», «если не сделаешь то, что я скажу, тебя вынесут вперед ногами» и другие;

- 4) метафора: «Тварь, разорвем тебя на маленькие кусочки...». Адресант выражает намерение совершить действие физического характера по отношению к адресату угрозы, однако конкретный способ агрессивных действий не уточняется. При этом устойчивое словосочетание «разорвем на маленькие кусочки» эксплицирует агрессивное действие, которое является средством метафоризации;
- 5) сарказм. Человек получает в качестве подарка красиво упакованную коробку с начиненной взрывчаткой. На коробке надпись: «Счастливого Рождества!»;
- 6) отсылка к прецедентному случаю. «Попадись в мои руки, и способ смерти Каддафи тебе покажется счастьем!». Высказывание указывает на отсылку к историческому событию, связанному с деятельностью политического деятеля М. Каддафи и его насильственной смертью. Несмотря на то что небенефактивные действия в данном высказывании эксплицитно не выражены, их результат – смерть объекта угрозы.

Особым экстралингвистическим приемом в угрозе, типичной для интернет-коммуникации, выступает визуализация, средствами которой могут быть как статические, так и динамические изображения, где присутствует элемент демонстрации оружия – холодного или огнестрельного (рис. 5).

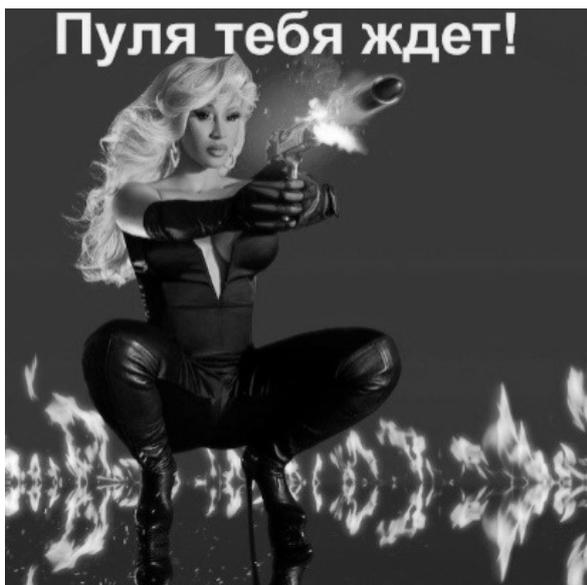

Рис. 5. Угроза в форме креолизованного текста
Fig. 5. Threat in a form of a creolized text

Угроза, иллюкативная семантика которой передается посредством изображений, называется визуальной [16: 140]. При этом речевой жанр текста воплощения такой угрозы называют креолизованным (поликодовым), поскольку он сочетает в себе вербальные и невербальные компоненты, которые в синтезе образуют сложное структурное смысловое текстовое единство. Интерпретация такого текста возможна только с учетом этого единства. В случае отсутствия буквенного (вербального) компонента объект не является пригодным для проведения судебной лингвистической экспертизы.

Для речевого жанра угрозы в современной интернет-коммуникации характерно также использование специфических семиотических элементов – графем, эмодзи и эмодзи, которые выполняют просодическую, эмоционально-экспрессивную, интенсифицирующую, провокационную, эллиптическую, ироническую и другие функции в тексте [22: 46]: «👊 Мы придем к тебе!». Их применение обусловлено стремлением говорящего выразить максимально яркий смысл при затрате минимальных речевых усилий.

Принимая во внимание все вышесказанное, нужно сказать, что даже при формальном сходстве, далеко не всегда высказывания выражают непосредственно угрозу. Так, не являются речевым жанром криминальной угрозы высказывания следующих типов:

- вербально выраженные суицидальные намерения, поскольку здесь объектом «угрозы» является сам адресант: «Не подходи ко мне, а то я выстрелю себе в ногу!». Примеры подобного рода высказываний часто можно встретить в бытовой коммуникации, где один субъект «эксплуатирует» другого, находясь с ним в так называемой психологической созависимости;
- демонстрация оружия сотрудником органов внутренних дел в социально-нормативной ситуации, при которой он, используя свое служебное положение и социальный статус, при оказании преступником вооруженного сопротивления применяет предупреждение с целью противодействия преступлению как социально-опасному деянию: «Брось оружие! Или мне придется применить силу!»;
- угроза в широком смысле слова, понимаемая как «возможность, опасность какого-либо бедствия, несчастья, неприятного события» [4: 1371]: «Монастырь был перенесен в другое место города из-за угрозы оползня»;
- предостережения: «Одевайся тепло, замерзнешь. Мороз на дворе». В отличие от угрозы классическое предостереже-

ние носит характер пожелания говорящего не совершать адресату действия, которое может помешать планируемому действию или состоянию [23: 460]: 'Если не оденешься тепло, то замерзнешь';

- злопожелания, не содержащие конкретных агрессивных намерений и не выражающие желания говорящего причинить вред адресату: «Гори в аду, тварь!»;
- предсказания (пророчества), которые отличаются от угрозы отсутствием способности у говорящего контролировать выраженную санкцию: «Ты пойдешь под суд вместе с другими пособниками. Жди народной кары!»;
- высказывания побудительного характера, выражающие призыв к насильственным действиям: «Пора его отправить на тот свет!» и другие.

Заключение

Таким образом, в современной интернет-коммуникации угроза выступает одним из средств проявления речевой агрессии, которая относится к категории конфликтной речевой интенции (менасива) и воплощается в различных формах коммуникации. В настоящее время речевой жанр угрозы чаще всего воплощается в форме короткого электронного сообщения. В угрозе можно выделить свои конститутивные (субъектный состав, тем-

поральная маркированность действия, субъектная принадлежность действия, тип действия, адресованность действия), структурные (участники угрозы, условия успешности, условия искренности), коммуникативно-параметрические особенности (наличие каузального действия), а также соответствующие мультимодальные признаки (угрожающий тон, жестикация, мимика). Коммуникативная целеустановка угрозы заключается в том, чтобы спровоцировать у адресата чувство страха (угроза-наказание) или на основании этого получить желаемое (угроза-предупреждение) за счет соответствующей каузации. С точки зрения формы языкового выражения и синтаксиса высказывания угрозы делятся на эксплицитные (прямые) и имплицитные (косвенные), где последние становятся наиболее сложными для выявления, поскольку угрожающий субъект часто использует труднораспознаваемые лингвистические приемы и визуальные средства (креолизованная угроза). Приведенные примеры текстов показывают, что речевой жанр криминальной угрозы стоит отличать от предупреждений, используемых сотрудником органов внутренних дел с целью предотвращения преступления, а также высказываний, выражающих суицидальное намерение, угрозу в широком смысле слова, предостережений, предсказаний (пророчеств), злопожеланий и призывов к насильственным действиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лутовинова О. Л. Языковая личность в интернет-коммуникации // Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. 4-е изд., стер. М. : Флинта ; Наука, 2018. С. 124–138.
2. Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М. : Издательский дом ЯСК, 2016. 439 с.
3. Осадчий М. А. Русский язык в судебном процессе: Книга для судебных лингвистов-экспертов, журналистов, политиков, специалистов по рекламе и PR. 3-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2022. 256 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
5. Шушков Л. А. Толково-понятийный словарь русского языка семантических групп: более 16 500 слов и устойчивых выражений. М. : ООО «Издательство Астрель» ; ООО «Издательство АСТ» ; ООО «Транзиткнига», 2003. 768 с.
6. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник. М. : Русский язык, 2001. 568 с.
7. Воронец М. В. Теория текста: учебное пособие. Барнаул : АлтГПУ, 2021. – Текст (визуальный) : электронный.
8. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М. : Издательский дом ЯСК, 2022. 832 с.

9. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М. : Прогресс, 1986. С. 2–129.

10. Бринев К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М. : ЛЕНАНД, 2020. 200 с.

11. Плотникова А. М. Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики. Екатеринбург ; Москва : ТХТ, 2017. 197 с.

12. Стеклова Т. И. Угроза как речевой жанр // Функциональный анализ значимых единиц русского языка : межвуз. сб. науч. тр. Новокузнецк : Кузбасвузиздат, 1992. С. 6–11.

13. Fraser B. Threatening revisited // International Journal of Speech Language and the Law. 1998. № 5. P. 159–173.

14. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.

15. Панченко Н. Н. Шантаж: речевой акт vs речевой жанр // Жанры речи. 2018. № 2 (18). С. 112–118. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-2-18-112-118>

16. Баранов А. Н. Угроза в криминальном дискурсе (семантика и прагматика). М. : ИЦ «Азбуковник», 2021. 219 с.

17. Назарова Т. В., Гримайло Е. А., Мамаев Н. Ю., Коршиков А. П., Ростовская А. В. Лингвистическое исследование устных и письменных текстов // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / под ред. Ю. М. Дильдина, В. В. Мартынова. М. : ЭКЦ МВД России, 2010. С. 243–292.

18. McGovern G. P. Targeted violence: A statistical and tactical analysis of assassinations, contract killings, and kidnappings. London ; New York : CRC Press, 2010. 270 p.

19. Багдасарян Т. О. Тональность как компонент модели речевого жанра (на материале речевого жанра «угроза») // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 240–245.

20. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. : в 7 т. М. : Русские словари, 1996. Т. 5 : Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.

21. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. М. : Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 1135 с.

22. Галышина Е. И. Семиотика эмотиконов и анимационных картинок в аспекте судебной лингвистической экспертизы // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2022. № 2 (90). С. 41–48.

23. Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М. : Изд-во Московского университета, 2002. 751 с.

REFERENCES

1. Lutovinova O. L. Linguistic personality in Internet. In: *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya*. Nauch. red. T. N. Kolokol'tseva, O. V. Lutovinova [Kolokol'tseva T. N., Lutovinova O. V., sci. eds. Internet-communication as a speech formation]. 4th ed., ster. Moscow, Flinta, Nauka, 2018, pp. 124–138 (in Russian).

2. Sedov K. F. *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and anthropological linguistics]. Moscow, LRC Publishing House, 2016. 439 p. (in Russian).

3. Osadchij M. A. *Russkij jazyk v sudebnom processe: Kniga dlja sudebnykh lingvistov-jekspertov, zhurnalistov, politikov, spetsialistov po reklame i PR* [Russian language in forensics: A book for forensic linguists, experts, journalists, politicians, advertising and PR. 3th ed.] Moscow, LENAND, 2022. 256 p. (in Russian)

4. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka*. Sost. i red. S. A. Kuznetsov [Kuznetsov S. A., comp., ed. Big Russian language dictionary]. Saint Petersburg, Norint, 2000. 1536 p. (in Russian).

5. Shushkov L. A. *Tolkovo-ponjatijnyj slovar' russkogo jazyka semanticheskikh grupp: bolee 16 500 slov i ustojchivykh vyrazhenij* [Russian definitive dictionary of semantic groups: More than 16 500]. Moscow, OOO "Izdatel'stvo Astrel", OOO "Izdatel'stvo ACT", OOO "Tranzitkniga", 2003. 768 p. (in Russian).

6. Aleksandrova Z. E. *Slovar' sinonimov russkogo jazyka: prakticheskij spravochnik* [Russian synonym dictionary: Reference book]. Moscow, Russkii yazyk, 2001. 568 p. (in Russian).

7. Voronets M. V. *Teoriya teksta* [Theory of a text]. Barnaul, Polzunov Altai State Technical University Publ., 2021. Visual electronic text (in Russian).

8. Balashova L. V., Demytyev V. V. *Russkie rechevye zhanry* [Russian speech genres]. Moscow, LCR Publishing House, 2022. 832 p. (in Russian).

9. Austin J. Word as action. In: *New in foreign linguistics*. Iss. 17. Moscow, Progress, 1986, pp. 2–129 (in Russian).

10. Brinev K. I. *Spravochnik po sudebnoj lingvisticheskoy ekspertize* [Forensic linguistic examination reference book]. Moscow, LENAND, 2020. 200 p. (in Russian).

11. Plotnikova A. M. *Konfliktnaya kommunikatsiya v aspekte sudebnoj lingvistiki* [Conflict communication in forensic linguistics]. Ekaterinburg, Moscow, TKhT, 2017. 197 p. (in Russian).

12. Steksova T. I. Treat as speech genre. In: *Functional analysis of important language units: Interuniv. coll. of sci. words*. Novokuznetsk, Kuzbassvuzizdat, 1992, pp. 6–11 (in Russian).

13. Fraser B. Threatening revisited. *International Journal of Speech Language and the Law*, 1998, no. 5, pp. 159–173.

14. Demytyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak, 2010. 600 p. (in Russian).

15. Panchenko N. N. Blackmail: Speech act vs speech genre. *Speech Genres*, 2018, no. 2 (18), pp. 112–118 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-2-18-112-118>

16. Baranov A. N. *Ugroza v kriminal'nom diskurse (semantika i pragmatika)* [Threats in criminal discourse (semantics and pragmatics)]. Moscow, IC "Azbukovnik", 2021. 219 p. (in Russian).

17. Nazarova T. V., Grimailo E. A., Mamaev N. Yu., Korshikov A. P., Rostovskaya A. V. Linguistic study of oral and written texts. In: Dildin Yu. M., Martynov V. V., eds. *Typical methods for examining material evidence*. Part. I. Moscow, Forensic centre of the Ministry of Internal affairs of Russia Publ., 2010, pp. 243–292 (in Russian).

18. McGovern G. P. Targeted violence: A statistical and tactical analysis of assassinations, contract killings, and kidnappings. London, New York, CRC Press, 2010. 270 p.

19. Bagdasarjan T. O. Tonality as a component of the speech genre model (based on the material of the speech genre threat). *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: Coll. sci. arts]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 2002, iss. 3, pp. 240–245 (in Russian).

20. Bakhtin M. M. Problem of speech genres. Bakhtin M. M. *Collected works: in 7 vols. Vol. 5. Works 1940–1960*. Moscow, Russkie slovari, 1996, pp. 159–206.

21. *Slovar'-tezaurus sovremennoj russkoj idiomatiki* [Modern Russian idioms thesaurus-dictionary]. Moscow, Mir jentsiklopedij Avanta+, 2007. 1135 p. (in Russian).

22. Galjashina E. I. Semiotics of emoticons and animated pictures in the aspect of forensic linguistic. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2022, no. 2 (90), pp. 41–48 (in Russian).

23. Bezjaeva M. G. *Semantika kommunikativnogo urovnja zvuchashchego jazyka: voleizjavlenie i vyrazhenie zhelanija govornashchego v russkom dialoge* [Semantics of the communicative level of the spoken language: The expression of will and desire of the speaker in Russian dialogue]. Moscow, Moscow University Press, 2002. 751 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 19.05.2023; одобрена после рецензирования 06.07.2023; принята к публикации 18.07.2023
The article was submitted 19.05.2023; approved after reviewing 06.07.2023; accepted for publication 18.07.2023